

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

К ПОПЫТКАМ СЕПАРАТНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (март—май 1915 г.)

К. Ф. Шацлло

Как известно, еще в начале первой мировой войны, в августе 1914 г., Германия развернула активные боевые действия. Тогда генеральный штаб планировал провести кратковременную, молниеносную кампанию, уничтожить армии противников поочередно сильными ударами и закончить боевые действия через 8—10 недель. Однако этот план провалился. Германия вынуждена была перейти на Западе к позиционной войне. В 1915 г. немцы попытались провести наступление против России. Но и эта операция конечного успеха не принесла. Оказавшись перед перспективой длительной войны на два фронта, кайзеровское правительство стало искать возможность начать сепаратные переговоры с царизмом. 17 апреля 1915 г. царица писала Николаю II: «Я получила длинное, милое письмо от Эрни*, ...он пишет: «Если кто-нибудь может понять его (тебя) и знает, что он переживает, — то это я» и крепко тебя целует. Он стремится найти выход из этой дилеммы и предлагает, что кто-нибудь должен был бы начать строить мост для переговоров. У него возник план послать частным образом доверенное лицо в Стокгольм, которое встретилось бы там с человеком, посланным от тебя (частным образом), и они могли бы помочь уладить многие временные затруднения»¹.

Мысли о необходимости начать сепаратные переговоры с Россией высказывались в немецких кругах весной 1915 г. неоднократно. С подобными предложениями, которые исходили из Берлина, дважды выступала интернированная в Австрии фрейлина царицы княгиня М. А. Васильчикова². В то время такие же обращения к Николаю II поступали от датского короля Кристиана X³. Несколько позже в Стокгольме состоялась встреча директора «Немецкого банка» Монкевица, действовавшего по уполномочию берлинских правительственных кругов, с одним из русских финансистов. Монкевиц сообщил о тех условиях, которые могли бы стать основой сепаратных переговоров России и Германии.

В исторической литературе считалось, что царские придворные германофильские круги не сделали ни одного ответного шага на пути к сепаратному миру. Так, В. П. Семенников, анализировавший вопрос о сепаратном мире Германии и России, категорически утверждал: «Романовы весной и летом 1915 г. не согласились пойти на какие бы то ни было переговоры с Германией, несмотря даже на все сочувствие этому императрицы»⁴. Эта высказанная много лет назад точка зрения нуждается, на наш взгляд, в некоторых уточнениях. Документы свидетельствуют, что «немецкая партия»

* Эрни — родной брат царицы, немецкий офицер, «великий герцог Гессенский» Эрих-Людвиг.

¹ «Переписка Николая и Александры Романовых 1914—1915 гг.». Т. III, М.-Л. 1923, стр. 174.

² См. ее письма царю от 25 февраля/10 марта и от 14/27 мая 1915 г. в сборнике «Константинополь и проливы. По секретным документам б. Министерства иностранных дел». Т. 2, М. 1926, стр. 369, 370—374.

³ «Монархия перед крушением. 1914—1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В. П. Семенникова». М.-Л. 1927, стр. 22—29.

⁴ «Константинополь и проливы». Т. 2, стр. 375—380: донесения посланника России в Стокгольме А. В. Неклюдова министру иностранных дел С. Д. Сазонову «О тех предложениях замирения, которые делаются нам с германской стороны».

⁵ В. Семенников. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л. 1929, стр. 25.

при царском дворе не сидела сложа руки и со своей стороны пыталась «навести мосты» для переговоров с Германией. Естественно, все подобные действия окружались сугубой тайной, и сведения о них в литературе крайне скудны⁶. Но кое-что архивы до нас все же донесли. В Центральном Государственном военно-историческом архиве СССР хранится немало интересных документов, возникших в связи с расследованием на разных стадиях царским и Временным правительствами так называемого «дела Сухомлинова». Мы имеем в виду прежде всего отчет о поездке в Германию, поданный В. Д. Думбадзе начальнику Главного управления генерального штаба России генералу М. А. Беляеву, и допросы Думбадзе в следственной комиссии в 1915 и 1917 годах. Материалы эти свидетельствуют о том, что царская камарилья предпринимала попытки наладить связи с соответствующими кругами кайзеровской Германии.

Установить контакты с военным противником России — Германией было отнюдь не просто. Посылаемый на встречу с немцами связной должен был отвечать целому ряду требований. Он не мог являться лицом широко известным, ибо слишком громкое имя не гарантировало необходимой для подобного дела келейности. Но в то же время он должен был иметь право появляться не только в бюрократических приемных, но и в великосветских гостиных России и Германии. И, наконец, это должен был быть достаточно ловкий человек, умеющий держать язык за зубами и не боящийся известного риска. Таким требованиям полностью отвечал Василий Давидович Думбадзе, один из великосветских авантюристов, который весной 1915 г. отправился за пределы России на встречу с немецкими представителями. Его фамилия пользовалась печальной известностью в России. Родной дядя В. Д. Думбадзе, градоначальник города Ялты, «свиты его императорского величества» генерал-майор И. А. Думбадзе был едва ли не самым кровавым из опричников последнего царя. В «Думбадзии», как именовали в либеральных газетах Крым, не действовало даже кучее российское законодательство: жизнь обывателя всецело зависела от прихоти царского самодура. Суд, творимый им, был хоть и неправый, но короткий. Когда в 1907 г. эсеры произвели на И. А. Думбадзе неудачное покушение, «доблестный» генерал приказал конвою окружить дом, из которого в него кто-то бросил бомбу, и спалить его без долгих разговоров. Деятельность И. А. Думбадзе приобрела столь скандальный характер, что в Государственной думе даже верноподданнейшим октябристам пришлось сделать о ней запрос. Старый солдафон не стал юлить и выкручиваться. В представленных Думе «объяснениях» он нагло подтвердил правоту всех оглашенных фактов и заявил, что не считает нужным «миндальничать с либералами и леваками»⁷. Ревностное исполнение служебного долга подкупило царя, и Думбадзе был зачислен в 1912 г. генералом в царскую свиту. А по рукам ходила сочиненная о нем известным журналистом В. А. Гиляровским эниграмма:

«У Черного моря урядник стоит,
А Черное море шумит и шумит.
И злоба урядника гложет,
Что ропот унять он не может».

Из всех свитских генералов И. А. Думбадзе был едва ли не самым симпатичным Николаю II. Недаром царь учредил законодательным путем для своего любимца специальный пост «градоначальника города Ялты».

Впрочем, связи в высший свет тянулись от В. Д. Думбадзе не только через его дядю. Возвратившись в 1906 г. из Германии, где он получил высшее образование, В. Д. Думбадзе решил заняться коммерческой деятельностью. Предприимчивый делец выдавал себя за «главного управляющего наместника его императорского величества на Кавказе генерал-адъютанта Воронцова-Дашкова»⁸. В какой мере это соответствовало действительности, установить трудно. Но бесспорно, что со старшим сыном все-сильного наместника графом И. И. Воронцовым-Дашковым⁹ В. Д. Думбадзе поддерживал тесные отношения. Именно по заданию графского отпрыска перед войной Думбадзе

⁶ См., например, Д. Сейдаметов, Н. Шляпников. Германо-австрийская разведка в царской России. М. 1939, стр. 30—35.

⁷ «Падение царского режима». Т. 7. М.-Л. 1927, стр. 337.

⁸ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, л. 33, л. 233.

⁹ Отметим следующее: «Граф Воронцов-Дашков в отношении всех великих князей держался в высокой степени самостоятельно», — писал хорошо изучивший придворные порядки С. Ю. Витте (см. С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. М. 1960, стр. 115).

пытался установить контакты с американскими капиталистами для организации эксплуатации Днепровских порогов, находившихся на территории одного из имений Воронцовых. Предполагалось создать с помощью американского банкира Моргана специальный Русско-Американский банк, одним из учредителей которого надеялся стать В. Д. Думбадзе. Кроме него и графа И. И. Воронцова, с русской стороны в «деле» собирався принять участие и посол России в Америке Бахметьев¹⁰.

Думбадзе поддерживал деловые связи и с другими представителями высшего петербургского света, например, с влиятельным царским сановником, начальником канцелярии министерства императорского двора генерал-лейтенантом А. А. Мосоловым, обеспечивавшим ему за соответствующую мзду получение в годы войны миллионов артиллерийских заказов¹¹. Жена А. А. Мосолова — Е. Ф. Трепова приходилась родной сестрой «диктатору» времен первой русской революции Д. Ф. Трепову, а также А. Ф. Трепову, позднее ставшему одним из последних царских премьер-министров. Все это обеспечивало А. А. Мосолову при дворе, по словам хорошо информированного С. Ю. Витте, чрезвычайное влияние¹². Для характеристики В. Д. Думбадзе важно отметить и другое. Предпринимательская деятельность задолго до войны свела его в ближайшем окружении военного министра В. А. Сухомлинова. Еще в 1908 г. он познакомился с доверенным лицом Сухомлинова, связанным с австрийскими промышленными кругами А. О. Альшиллером, а затем и с двоюродным братом жены Сухомлинова, инженером и дельцом Н. М. Гошкевичем¹³. Вскоре после начала войны В. Д. Думбадзе издал апологетическую биографию В. А. Сухомлинова¹⁴, что сразу сделало его одним из ближайших к министру лиц. Используя свое положение, В. Д. Думбадзе провел немало выгодных для себя комбинаций. Только за один заказ на 2 млн. шрапнелей, отданный канадской фирме, возглавлявшиеся им дельцы получили 2,8 млн. руб. комиссионных¹⁵. По словам Думбадзе, 0,5 млн. руб. пришлось на его долю, а 200 тыс. достались военному министру¹⁶, который приказал выдать этот заказ на максимально льготных условиях. Когда Сухомлинов решил войти в контакт с американскими промышленными кругами, он предложил А. Бурже — представителю банкирского дома Морганов — «под соблюдением строжайшей тайны войти в переговоры (о заказах) с первоклассными заграничными фирмами» и о результате сообщить ему через В. Д. Думбадзе¹⁷. Один из чиновников, выполнявший поручение Бурже, так описывал получение крупного заказа на автомобили, распределявшегося в Лондоне руководителем русской закупочной комиссии полковником Секретовым. «Я с Бурже потихоньку подозвали мальчика из гостиницы и попросили его лично передать карточки наши и других полковнику Секретову в такой-то № комнаты. Мальчик сообщил, что у него в комнате Секретова взял карточки секретарь полковника г-н Валенский («представлявший» при полковнике конкурирующие с американцами фирмы. — К. Ш.) и что нас полковник не может принять. Мы с Бурже и еще некоторые решили подождать в вестибюле и непременно увидеть хоть кого-либо из комиссии... Около десяти часов вечера показалося внизу полковник Секретов, с ним рядом Валенский и вся комиссия за ними. Увидав меня, Секретов, которому Валенский что-то сказал так тихо, что я не слышал, что именно, громко сказал, обращаясь ко мне: «Что вам надо? Я вас знать не желаю и запрещаю меня беспокоить». Потом сейчас же добавил: «Не успел я приехать, уставший с дороги, а вы уже лезете. Можете не беспокоиться, я не приму». Я молчал и ни слова не возразил, только успел поздороваться с капитаном Сидоркиным, который смущенно отвернулся»¹⁸. Надежда американцев приобрести заказ на 150 автомобилей, казалось, лопнула. Пришлось подключать к делу далекого В. Д. Думбадзе. Из Лондона в Петроград полетела телеграмма с жалобой на недостойное поведение полковника.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 146, л. 59.

¹¹ Там же, д. 33, л. 192. За свои «услуги» А. А. Мосолов получил от Думбадзе только за один заказ 200 тыс. руб. (там же, д. 50, л. 57).

¹² С. Ю. Витте. Указ. соч., стр. 349.

¹³ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 210.

¹⁴ В. Д. Думбадзе. Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. Пгтр. 1914.

¹⁵ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 211.

¹⁶ Там же, д. 50, л. 57.

¹⁷ Там же, л. 221.

¹⁸ Там же, ф. 960, оп. 1, д. 33, л. 178.

В ответ от Думбадзе пришло сразу две телеграммы. В первой он писал: «Министр приказал ему (полковнику Секретову. — К. Ш.) быть у Вас в гостинице «Метрополь», переговорить о покупке указанных Вами в телеграмме машин». Во второй указывалась точная стоимость оказанной услуги: «Сообщением Вами цену мы объявили министру с 10% надбавкой, что прошу иметь в виду»¹⁹.

Американцы восприняли духом. Бурже немедленно послал строптивому полковнику грозное письмо, требуя, чтобы он тотчас же явился к нему в гостиницу. На сей раз посланца банкирского дома Морганов встретили по-иному: «Он (Секретов. — К. Ш.) быстро подошел ко мне и, сердито поздоровавшись, сказал, чтобы я ему объяснил, что мне надо от него, а главное, чтобы я ему разъяснил, кто такой Бурже, который позволяет ему, полковнику русской службы, председателю комиссии — писать резкие письма с требованием явиться к нему в гостиницу для каких-либо объяснений. Полковник Секретов вынул его (письмо. — К. Ш.) из кармана и показал мне. Начиналось оно словом «Colonel!» и было написано по-французски. В нем Бурже настаивал на посещении его полковником (для беседы) по поводу всей линии поведения Секретова, якобы не совместимой с его назначением (!), и, наконец, согласно инструкции, которую он должен якобы иметь от военного министра». Встретившись с полковником Секретовым, Бурже отчитал его, как нашкодившего мальчишку²⁰. Этот факт свидетельствует о том, что Думбадзе обладал достаточным авторитетом, чтобы мгновенно обеспечить протектируемую им фирму весьма солидными заказами.

Таким образом, положение в обществе и личные качества князя делали его подходящей кандидатурой для участия в закулисных переговорах с Германией. Большой интерес в связи с этим представляет архивный документ, в котором Думбадзе перед своим отъездом так охарактеризовал свою персону начальнику Главного управления генштаба генералу М. А. Беляеву: «Знание немецкой жизни и языка, личные, близкие по университету отношения к германским правительственным кругам, в частности, и в особенности по министерству иностранных дел, — с одной стороны, известная и за-протоколированная в Германии моя близость к бывшему министру двора и другу покойного императора, а теперь наместнику на Кавказе, вся для России и Германии совершенно исключительная фигура и фамилия графа Воронцова-Дашкова, моя близость и личное мое участие в делах старшего сына графа Воронцова-Дашкова, адъютанта и исключительно близкого лица к бывшему наследнику престола великому князю Михаилу Александровичу (младшему брату Николая II. — К. Ш.), мое родственное отношение, как родного племянника, к свите его величества генерал-майору (И. А. Думбадзе), к которому личное благоволение государя известно в правительственных кругах Германии, отсюда все мои связи и прямая передача в верхи русского правительства, мои связи по делам в России с германскими финансистами, все это — с другой стороны, рассуждая спокойно и объективно, делает из меня для германского правительства фигуру исключительного интереса и внимания в целях... соединения императорской фамилии с преданными и близкими ко двору отдельными лицами и кругами»²¹.

6 марта 1915 г. В. Д. Думбадзе получил заграничный паспорт и покинул Россию. За границу он отправился не один, а вместе со своим старым знакомым, князем Г. В. Мачабели, уже после начала войны возвратившимся из Германии в Россию. Личность эта тоже весьма колоритна. Думбадзе познакомился с ним еще в 1905 г. в Лейпциге, в университете. Через несколько лет Мачабели перевелся в Горную академию в Берлин и, окончив ее, остался в Германии. Титулованный инженер стал завсегдагдем великосветских салонов. Его хорошо знали посол России в Германии Сербеев и личный представитель царя при Вильгельме, свиты его величества генерал-майор И. Л. Татищев²². Война застала Мачабели в Германии. Он получил от немецких властей разрешение вернуться в Россию и в январе 1915 г. встретился в Петрограде со своим старым приятелем В. Д. Думбадзе²³. Вскоре они решили выехать из России: Думбадзе — якобы в Нью-Йорк, Мачабели — в Лондон. Но ни тот,

¹⁹ Там же, д. 90, л. 76.

²⁰ Там же, д. 33, л. 179.

²¹ Там же, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 176.

²² Там же, л. 198.

²³ Там же, л. 212.

ни другой не доехали до конечной цели своего путешествия. В марте 1915 г. они прибыли в Стокгольм, и Мачабели сводит там Думбадзе со своими давними знакомыми — секретарем немецкого посольства в Стокгольме бароном фон Фрейсом и германским посланником в Швеции фон Люциусом²⁴.

По версии Думбадзе, которую он изложил в рапорте на имя начальника генерального штаба, его знакомство с немецкими дипломатами произошло нечаянно. Он писал, что ему пришлось «почти ежедневно бывать в Гранд-отеле у одного американца г. Форбс-Моргана из Нью-Йорка, по совершенной случайности номер которого приходился рядом с номером, занимаемым фон Люциусом. Это были разбитые порознь смежные, соединяемые внутренней дверью помещения одних апартаментов, где, при желании, можно было слышать и чужой разговор, — и именно в данном случае, разговор у Люциуса. Кроме того, судьбе было угодно подстроить так, чтобы по своей внешности, по росту и полноте я был исключительно похожим на исполняющего обязанности германского посланника в Стокгольме фон Люциуса. И вот однажды, выходя из смежного с Люциусом помещения моего американца, очевидно, будучи принятым за Люциуса, лакей подает мне письмо, адресованное Люциусу»²⁵. Жгучий брюнет, благородный дворянин без колебаний вскрыл и прочел письмо, адресованное «удивительно похожему» на него белобрысому немецкому посланнику. Затем письмо было тщательно запечатано и тайно подброшено, «как это практикуется в отелях, под дверь помещения, занимаемого Люциусом»²⁶.

Из подслушанных разговоров и прочтенного письма В. Д. Думбадзе якобы узнал о том, что немцы имеют свою разветвленную агентуру в России, в частности на Кавказе, где они усиленно разжигают сепаратистское движение. Посоветовавшись, друзья, по словам Думбадзе, решили втереться в доверие к германскому правительству, для чего стали выдавать себя за сторонников отделения Грузии и в то же время собирать информацию о событиях в Германии для военного министерства. С этой целью они начали действовать порознь: Мачабели вместо Англии поехал в Германию, где он «был введен в самые высокие круги Берлина» и даже «в министерство иностранных дел в Берлине.., имеет теперь свою отдельную официальную комнату»²⁷, а Думбадзе возвратился в Петроград, где, как увидим ниже, тоже дошел до «самых высоких кругов».

Под словесной шелухой рассказа Думбадзе скрывается главное. А именно, что весной 1915 г. влиятельные сферы Германии и России установили между собой хотя и неофициальный, но прямой контакт. Далее события развивались так. Вернувшись из Швеции в Петроград, Думбадзе явился к Сухомлинову и изъявил готовность отправиться в Германию еще раз, заявив, что в Стокгольме ему приготовлен дипломатический паспорт для поездки в Берлин, выхлопотанный в немецком министерстве иностранных дел князем Мачабели. «Когда Думбадзе был у меня с предложением ехать за границу и рассказывал мне грузинскую историю, я не этим интересовался. Я говорил, что для меня это не так важно... Узнайте, насколько там трудно стало, какое настроение», — осторожно объяснял позднее цель командировки Думбадзе в Германию бывший военный министр Сухомлинов во время суда над ним летом 1917 года.

В конце апреля 1915 г. военный министр доложил Николаю II о своих планах относительно отправки Думбадзе в Германию. Царь их одобрил, потребовав, чтобы об этом было известно, кроме военного министра и царя, еще только одному человеку — начальнику генерального штаба²⁸. Однако круг лиц, причастных к поездке Думбадзе в Германию, оказался более широким. Их имена сохранились в архивных документах, и именно этим лицам принадлежала немалая инициатива в установлении контактов с Берлином. После возвращения Думбадзе из первой поездки военное министерство «на всякий случай» установило за ним наблюдение через контрразведку. Оказалось, что между двумя поездками за границу (второй раз Думбадзе переехал границу 24 мая 1915 г.)²⁹ его часто навещали сын наместника на Кавказе граф И. И. Воронцов-

²⁴ Там же, л. 198.

²⁵ Там же. Текст записки Думбадзе мы передаем здесь со всеми его стилистическими особенностями.

²⁶ Там же, л. 199.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, л. 175.

²⁹ Там же, л. 232.

Дашков, великосветские князья И. А. Накашидзе, А. В. Амилахвари, а главное — весьма тесную связь с ним поддерживал принадлежавший к ближайшему окружению Николая II «генерал-лейтенант Мосолов, сообщающийся с Думбадзе не лично, а письмами, причем пакеты от генерала Мосолова доставляются всегда курьерами канцелярии двора»³⁰. Утром 24 мая Думбадзе сел в поезд Петроград — Хельсинки. «Вскоре после отъезда Думбадзе из квартиры на вокзал, — доносил агент контрразведки своему начальнику, — около 7 часов утра, ему был доставлен курьером пакет от генерала Мосолова, с каковым пакетом курьер поспешил на вокзал, но застал ли он там Думбадзе, неизвестно»³¹. Как видим, визит В. Д. Думбадзе в Германию не только производился с непосредственного ведома высших сфер, но и осуществлялся под контролем и руководством начальника канцелярии министерства императорского двора. К сожалению, мы не имеем возможности узнать, какие именно документы получил в пакетах В. Д. Думбадзе от генерала Мосолова.

Он пробыл за границей с 24 мая по 11 июня 1915 года. «Первым из посетителей по его возвращении у Думбадзе был полковник Песчанский, с которым Думбадзе потом уезжал куда-то в город, — получила очередное сообщение контрразведка. Затем добавлено: «Думбадзе... по возвращении ездил куда-то представляться в форме военного чиновника с погонами титулярного советника (с одним просветом без звездочек)»³². Остается неизвестным, куда уезжал Думбадзе и что он докладывал о своем заграничном вояже. Однако его письменный отчет начальнику Главного управления генерального штаба России М. А. Беляеву гласит следующее: «По приезде в Стокгольм, князь Мачабели снова свез меня опять к Люциусу, после чего, получив от Люциуса германский дипломатический паспорт, ...мы с князем, уже вдвоем, направлялись в Берлин. При выезде в Германию мы были встречены там с исключительной почтительностью, без всякого осмотра, и перед Берлином в нашем купе нас приветствовал офицер генерального штаба, специально командированный нам навстречу и, между прочим, вручивший нам талоны на получение хлеба. По приезде в Берлин в отеле как иностранцы мы были встречены не так-то дружелюбно, и нам было заявлено администрацией отеля, что мы каждый день должны будем являться в полицию. В отеле мы заявили себя прибывшими из Швеции. Но сразу же все отношения к нам совершенно переменились, когда вечером того же дня к нам в отель заехали Циммерман, заместитель министра иностранных дел, граф Пурталес, бывший германский посол в Петрограде, теперь ведающий в Берлине русские дела, и... фон Везендонг, секретарь министерства иностранных дел. Таким образом, в первый же вечер нашего пребывания в Берлине, в нашем помещении отеля, князь Мачабели и я, мы имели вечером конференцию с германским заместителем министра иностранных дел Циммерманом, графом Пурталесом и секретарем министерства иностранных дел фон Везендонгом. Одного этого факта уже достаточно, чтобы иллюстрировать, насколько серьезно считались в Берлине с нашим приездом»³³. Далее он сообщал, что на второй день пребывания в Берлине их обоих принял начальник германского генерального штаба, а на третий — «специалисты по России».

По поводу этих бесед Думбадзе писал: «Конечно, правительство Германии великолепно чувствует всю сугубую тяжесть своего положения. И из разговоров, которые приходилось вести и в министерстве иностранных дел и в генеральном штабе, было ясно, что Германия всегда готова пойти на мир с Россией, — и у графа Пурталеса даже сорвалось: «Готова выплатить России даже десять миллиардов за причиненное экономическое расстройство»³⁴ и разорение занятых германскими войсками местностей».

³⁰ Там же, л. 233.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же, л. 200. Анализируя эту докладную записку, следует помнить, что перед Беляевым Думбадзе стремился представить себя русским разведчиком, засланным в Германию под видом грузинского националиста. Раздел записки, озаглавленный В. Д. Думбадзе «Кавказский вопрос», и некоторые другие сюжеты, имевшие целью мистификацию генерала Беляева, здесь опущены.

³⁴ Эта цифра соответствует той, которую немцы вновь предлагали, пытаясь начать сепаратные переговоры в июле того же 1915 года. Российский посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов телеграфировал министру иностранных дел С. Д. Сазонову 15 (28) июля 1915 г., что, по полученным им сведениям, выступавший от имени «берлинских

В Германии постепенно создается убеждение, что с Россией не совладать... Здесь характерным будет привести впечатление от вечера, который в честь меня и князя Мачабели дал в Берлине племянник графа Мольтке (начальника генерального штаба. — К. Ш.) лейтенант гвардии граф Бэгузи-Хук. На этом вечере, где граф-хозяин выдал нас за турок, в числе приглашенных было много великосветских дам и офицеров. Среди присутствующих шел разговор и о России. И в непринужденном разговоре все отзывались о русских прямо восторженно: хвалили русских офицеров, хвалили русского солдата, и вообще разговор о России шел в самых дружелюбных тонах³⁵. Хозяин-граф любезно показывал нам трофеи русской охоты в имении государя-императора в Польше, но строго в разговоре подчеркнул, что ни одной вещи в царском имении не было тронуту. Во время вечера игравший небольшой струнный оркестр даже исполнил русский гимн «Боже, царя храни»³⁶. Словом, в Германии сильно начинают считаться с Россией. Судя по всему, быллой военный угар в Германии проходит. В разговорах, которые приходилось иметь в министерстве иностранных дел и в генеральном штабе, каковые два ведомства Германии в настоящее время, к слову сказать, в большом антагонизме одно с другим, так как и тому и другому уже теперь приходится отвечать и за инициативу войны, и за допущенные дипломатические ошибки, и за исход кампании — и в этих разговорах с правительственными лицами, стоящими у власти в дипломатическом и военном ведомствах Германии, явно чувствуются ноты сильной усталости страны, народа и правительства. И видно, в Германии вслестически ищут повода создать благоприятную обстановку и атмосферу, чтобы заговорить о мире. Так, например, даже перед нами, мною и князем Мачабели, и в министерстве иностранных дел и в генеральном штабе как бы извинились и за жестокие приемы войны и за удушливые газы, объясняя это только необходимостью возможно скорее заставить союзные государства пойти на капитуляцию. Это же можно усмотреть и в вопросе о положении военнопленных... Всего я пробыл в Берлине восемь дней. Князь Мачабели остался в Берлине. Надо полагать, что в Берлине, — заключал вводную часть своей докладной записки Думбадзе, — вполне серьезно учитывают наши связи и полагают использовать нас в некотором роде как посредников между русским правительством и германским»³⁷.

В предпринявшихся весной 1915 г. попытках сепаратных переговоров России с Германией через В. Д. Думбадзе вопрос о положении военнопленных занимал одно из важных мест. Это тоже лишний раз говорит о том, что в Берлине его рассматривали как «посредника между русским правительством и германским». В специальном разделе, озаглавленном «Военнопленные», Думбадзе писал: «Одно из заседаний в Берлине в генеральном штабе в моем присутствии, по инициативе начальника германского генерального штаба, видимо, с нарочной целью было посвящено всецело и только вопросу о положении германских военнопленных в России. В этом заседании, кроме князя Мачабели и меня, с немецкой стороны присутствовали: начальник генерального штаба, один генерал, чуть ли не помощник военного министра, фамилию которого мне неудобно было спросить, один полковник генерального штаба, заведующий военнопленными, и майор генерального штаба профессор Бэрэн... Мне сделано было предложение — не могу ли я путем известных им моих связей, путем близости к военному министру, равно как и другим министрам, дать возможность облегчения положения в России немецким военнопленным».

В ответ Думбадзе заявил, что в России относятся к военнопленным очень гуманно. «Это мое заявление настолько показалось убедительным всему военному собранию, правительственных кругов» директор «Немецкого банка» Монкевиц в специальных переговорах с одним из русских финансовых деятелей заверял, что «при заключении предстоящего сепаратного мира Германия могла бы обеспечить России заем от 5 до 10 миллиардов марок» («Константинополь и проливы». Т. 2, стр. 377).

³⁵ Аналогичное изменение отношения прессы к русской армии отмечал в своем докладе в российское министерство иностранных дел посланник в Стокгольме А. В. Неклюдов. Считая подобные статьи «навеянными из германской главной квартиры», посланник справедливо связывал их с подготовкой сепаратных переговоров («Константинополь и проливы». Т. 2, стр. 375. Телеграмма С. Д. Сазонову от 7 (20) июля 1915 года).

³⁶ Это свидетельствует, что двух грузин в Германии принимали отнюдь не как сепаратистов, а как верных слуг царя и горячих сторонников «единой и неделимой» России.

³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, лл. 201—202.

что в тот же день при мне начальник генерального штаба отдал приказ, чтобы отношение к русским военнопленным радикально переменить в лучшую сторону. Мой разговор этот имел место 13 числа нового стиля, а уже на другой день я читал об этом в газетах. И как раз в это же самое время, видимо, чтобы похвастаться прекрасным обращением и отношением к русским военнопленным, просили на месте убедиться в этом находившегося в то время в Берлине прикомандированного к американскому посольству в Петрограде г. Крейсона с тем, видимо, чтобы он мог доложить об этом в Петрограде кому следует...». Думбадзе предлагал далее немцам, чтобы окончательно решить вопрос о военнопленных, обменяться «особоуполномоченными от обоих правительств, исключительно облеченных доверием своих государей»³⁸.

Переговоры в Берлине на этом закончились. В. Д. Думбадзе возвратился в Россию. Будущее казалось ему окрашенным в самые радужные тона. Он был уверен, что услуга его будет оценена по достоинству. Из показаний на суде над Сухомлиновым летом 1917 г. известно, что в день возвращения Думбадзе позвонил одному из своих друзей и спросил: «Меня могут завтра вызвать, что ты мне посоветуешь сделать: просить камергерство или чин действительного статского советника?» Далее свидетель этого разговора показал, что Думбадзе «хотел получить во чтобы то ни стало чин действительного статского советника и полагал, что за удачное выполнение миссии он получит»³⁹. Здесь не указано, к кому же ожидал Думбадзе вызова. Но другой свидетель показал, что Думбадзе заявил ему, будто бы «сделал важное государственное дело и будет иметь честь докладывать по этому делу государю»⁴⁰.

Однако судьба сыграла с В. Д. Думбадзе злую шутку. Почти что в день возвращения его из-за границы был смещен с поста военного министра В. А. Сухомлинов. Его обвинили не только в должностных преступлениях, но и в сношениях с иностранными агентами, главным из которых считали жандармского полковника С. И. Мясоедова⁴¹. Затем была арестована целая группа лиц, близких к В. А. Сухомлинову. Все эти меры, предпринятые под энергичным нажимом Ставки верховного главнокомандования во главе с великим князем Николаем Николаевичем, преследовали одну цель: дать материал, свидетельствующий о связи Сухомлинова с немецкой агентурой. Вполне естественно, что посылавший тайно в Германию В. Д. Думбадзе был очень удобной фигурой для следствия. Последнее сошло за благо умолчать о том, что поездка Думбадзе за границу была согласована с Николаем II и начальником генерального штаба. Так неудачливый дипкурьер Думбадзе оказался среди многих других лиц, севших на скамью подсудимых, чтобы дать возможность «заинтересованным кругам» свалить все военные неудачи царских войск на военного министра В. А. Сухомлинова.

Обвинение против Думбадзе было, впрочем, довольно нелепым и сводилось к тому, что, уезжая в Германию, он «мог захватить» с собой полученные от Сухомлинова сведения о военных реформах. Несмотря на то, что никто не мог доказать, будто В. Д. Думбадзе действительно передал немцам эти материалы, большая часть которых к тому же была опубликована в биографии Сухомлинова и, по мнению генерального штаба, не представляла особой ценности⁴², все же суд приговорил его к смертной казни. Николай II постеснялся полностью реабилитировать своего посланца и «милостиво» заменил казнь 20 годами каторги⁴³. «Мавр сделал свое дело...»

Так закончилась попытка установления непосредственных контактов между правящими кругами царской России и кайзеровской Германии весной 1915 года.

³⁸ Там же, лл. 205—207.

³⁹ Там же, д. 146, л. 62.

⁴⁰ Там же, д. 147, л. 52.

⁴¹ См. К. Ф. Шацкило. «Дело» полковника Мясоедова. «Вопросы истории», 1967, № 4.

⁴² По официальному отзыву начальника генерального штаба России, «весь материал прилагаемого при сем перечня (найденного у Думбадзе при обыске.— К. Ш.) не только по частям, но и в полном объеме является лишь кратким обозначением сведений, но не самостоятельными данными, собрание коих не может составлять задачу правительств иностранных держав наших возможных противников, без существенного дополнения этих данных техническими подробностями, почти отсутствующими в перечне» (ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 33, л. 131).

⁴³ ЦГВИА СССР, ф. 962, оп. 1, д. 47, л. 50.